

Лимерики Эдварда Лира как литературное явление и как средство обучения студентов иностранному языку

Л.Я. ЗИМАН,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра раннего изучения иностранных языков, член Союза писателей Москвы

А.В. МЕЖИНА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры раннего изучения иностранных языков, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет

Художник, композитор, путешественник, но прежде всего уникальный поэт — таким предстал в истории мировой культуры Эдвард Лир (1812–1888). Именно Лиру мы обязаны тем, что просторечное слово «нонсенс» (nonsense — чепуха, бессмыслица) стало научным термином, характеризующим один из самых плодотворных жанров детской поэзии. И Даниил Хармс, и Борис Заходер, и Генрих Сапгир, и многие ныне здравствующие детские поэты считали и считают Лира одним из первых своих учителей.

Жанр, использованный Эдвардом Лиром в первых двух стихотворных сборниках — «Книгах нонсенса», — лимерик — анапестическое пятистишие, в котором рифмуются трехстопные первый, второй и пятый стихи и двустопные третий и четвертый. Лимерик — название ирландского города, жители которого, согласно легендам, сочиняли веселые песенки и распевали во время застолий, а затем, сократив до пяти стихов, создали этот необычный, характерный лишь для английского фольклора жанр. Как отмечает О.Е. Артемова, «...сюжетно лимерик выстроен следующим образом: первая строка повествует о том, кто главный герой... вторая содержит развернутую характеристику его качеств или поступков, затем идет описание разворачивающихся событий и далее — информация о том, чем все заканчивается» [2]¹.

Главное, что внес Эдвард Лир в традиционную форму лимерика, — эксцентричный, абсурдный сюжет. «На страницах «бессмыслиц» Лира, — пишет Н.М. Демурова, — возникает особый, ни на что не похожий мир, отвергающий все правила поведения и законы здравомыслящего общества... Это некая обетованная страна, где не боятся быть самим собой, делать и говорить что хочется» [3, 93]. В стране лировских нонсенов можно полететь верхом на мухе (правда, если невзначай кашлянешь, свалишься с нее) [12, 125], оседлать крокодила [12, 125], поскакать верхом на свинье (предварительно надев почему-то парик) [12, 129] и даже на медведе [12, 104].

У ряда персонажей лировских лимериков — необыкновенной конфигурации носы (предполагают, что в этом — элемент иронической автопародии). У одной леди он настолько длинный, что достает до земли, — пришлось нанять старушку, которая носит этот нос. На рисунке (Лир всегда сам иллюстрировал свои книги) эта бодро вышагивающая старушка несет нос на плече подобно длинному шесту [12, 40]. У одного старика на носу, как на жердочке, отдыхают птицы. На рисунке их тринадцать (!) [12, 73]. «Если сравнить птиц с группой детей, — пишет Селлия Кэтлет Андерсон, автор статьи о Лире в Словаре литературных биографий (том 163), — длинный нос можно рассматривать как причудливый детский приют» [11, 169].

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из списка «Использованная литература». — Ред.

А некий старичок из города Барджа держит на своем длинном носу светильник, чтобы ловить рыбу по ночам [12, 88]. Другой старик — из Западного Дампета на своем конусообразно расширяющемся носу играет как на трубе [12, 113]. Встречаются в лимериках и крючкообразные, и хоботообразные носы, подобные карнавальным маскам.

Ноги у некоторых лировских персонажей как ходули. У старика из Кобленца такой длины, что он может одним прыжком покрыть расстояние от Турции до Парижа [12, 53]. А борода у одного из героев отросла до таких размеров, что в ней теперь птички вьют гнезда (на рисунке их целый десяток [12, 127]). Другой герой надел такой безразмерный парик, что из громадного волосяного то ли шара, то ли эллипсоида торчат лишь ступня и кончик носа [12, 124].

В большинстве лимериков в первом стихе указывается географическая принадлежность героя, иногда это всем известные города или страны, а иногда экзотические названия, большинству читателей неизвестные. Между прочим, среди экзотических стран — Россия. Где только не побывал путешественник Эдвард Лир, а вот в России не был. Все географические названия условны, используются только для рифмы, иногда для рифмы каламбурной. Естественно, переводчики свободно меняют географическую принадлежность героя, переносят из одной страны в другую, из одного города в другой. А вот деяния персонажей изменить, конечно, нельзя.

Ни для кого не секрет, что одна из самых массовых профессий (может быть, самая массовая) — учитель. Учителя — частые персонажи Лиры. Ведь он и сам попробовал себя в этой профессии: в 1846 г. дал двенадцать уроков рисования королеве Виктории, но долго оставаться при дворе не мог. А кого и чему учат учителя в лировских лимериках? Старик из Дандока

Э. Лир. Автопортрет

учит рыб ходить пешком [12, 109], старик из Дамбри учит сов пить чай. Это куда приятнее, чем поедать мышей, считает он. На рисунке мы видим доброго наставника (может быть, профессора), и характеризуется этот персонаж как *amiable* — милый, любезный [12, 109]. А вот одна юная леди пытается учить танцевать... утят. Результат, естественно,

их кряканье [12, 101]. В переводе М. Фрейдкина ход и содержание урока описаны так:

Но они почем зря
Знай твердили: «Кря-кря!» [1, 84].

Но у Лиры реакция утят четко рифмуется с ритмическими командами «хореографа»: «Tick-a-tack!» — «Quack». И именно эту оригинальную игру передал в своем переводе Г. Кружков, заменив утят на лягушонка, который

...на все «раз-и-два»
Отвечал он: «Ква-ква!» [5, 84].

Так чей перевод в большей мере адекватен оригиналу: в котором более точно передана фабула или поэтическая игра? Впрочем, наверное, оба перевода по-своему привлекательны для совсем юных читателей (или слушателей).

И все же вряд ли допустимо пренебрежение орфоэпическими деталями. В одном из лимериков Лиры рассказывается о том, как безутешная юная леди, которую покинули все поклонники, взобравшись на дерево, стала смущать своих сограждан какой-то мелодической абракадаброй [12, 46]. М. Фрейдкин иронически охарактеризовал такую мелодию «вокализ» [1, 41]. Но в оригинале эта мелодия передана так: «Fiddle-de-dee!» В музыкальной абракадабре «запрятано» значащее слово *fiddle* — скрипка. Такая лингвистическая игра вообще характерна для англоязычной (и английской, и американской) детской литературы. Но она «исчезла» из перевода М. Фрейдкина.

На сегодняшний день имеется немало русских переводов лировских лимериков. Их переводили О. Астафьева, А. Васин, Е. Клюев и уже упомянутые нами М. Фрейдкин, Г. Кружков и др. Проанализируем различные варианты переводов нескольких лимериков.

Один из лимериков Лира [12, 47] в дословном переводе звучит так:

Жил-был старик у Везувия,
Который изучал работы Витрувия.
Когда пламя сожгло его книгу,
Пить он начал,
Этот болезненно впечатлительный старик
у Везувия.

Вот как его перевел М. Фрейдкин:

Бренный джентльмен на склоне Везувия
Изучал сочиненья Витрувия.
Книжку выронив в пламя,
Ром стал пить вечерами
Бывший джентльмен на склоне
Везувия [1, 42].

Перевод вполне добротный, хотя неясно, почему джентльмену — герою лимерика дан эпитет «бренный» (для ритма?) и почему он, приобретя пристрастие к рому, стал уже бывшим джентльменом. Неужели переводчик усмотрел здесь сатирическое начало — обличение пьянства?

Теперь посмотрим, как перевел этот лимерик Г. Кружков:

Жил старик у подножья Везувия,
Изучавший работы Витрувия,
Но сгорел его том,
И он взялся за ром,
Ром-античный старик у Везувия! [5, 84].

Романтичный старик, изучавший древнего (античного) автора, превратился под пером Кружкова в *античного* старика, пьющего ром, т.е. в *ром-античного*. Подобной словесной игры в этом произведении Лира нет. Но вообще-то расщепление слов на части, подчас такое, что приходится вдумываться в смысл каждой такой части, очень характерно для творчества Лира. Так что в данном случае Кружков перевел не только стихотворение — он перевел поэта.

Очень забавен нонсенс о старике, который в детстве, случайно упав в чайник, провел в нем всю жизнь [12, 84]. Вот перевод А. Васина:

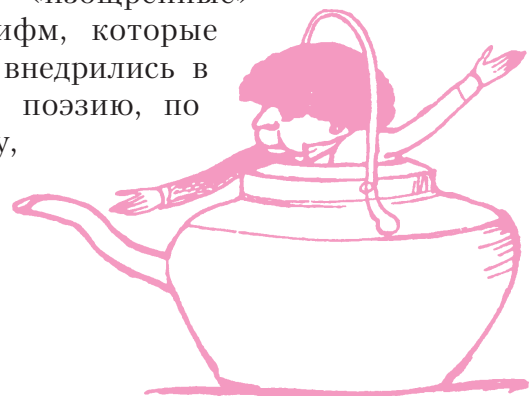
Старичок, когда был еще мал,
По случайности в чайник упал.
А назад — не сумел,
Так внутри и сидел
До тех пор, пока старым не стал [4, 2].

При чтении фразы «А назад — не сумел», «урезанной» для того, чтобы сохранить размер оригинала, невольно вспоминаешь оценку К.И. Чуковским переводов Анны Радловой, когда создается впечатление, что шекспировская героиня страдает астмой [8, 221]. В конце концов, смысл фразы все же понятен. Вызывает удивление другое: почему легкий, изящный лимерик Лира в русскоязычном переводе — с примитивными глагольными рифмами (4 из 5 рифмующихся строк) — оказался столь тяжеловесным? А ведь А. Васин очень строго придерживался и фабулы, и композиции оригинала.

У М. Фрейдкина перевод более изящный:

В детстве вздорный старик из Вализа
По случайности в чайник свалился.
А как вырос немного,
То уж вылезть не мог он
И безвылазно там поселился [1, 87].

Переводчик, как видим, дает сведения о географической принадлежности героя, что характерно для большинства лимериков — и не только Лира (хотя именно в этом произведении такого указания нет), использует составную рифму в третьем и четвертом стихах. И составная, и рубленая, и иные «изошренные» виды рифм, которые широко внедрились в русскую поэзию, по существу,

лишь в XX в., неоднократно — чаще в юмористических целях — использовались в различных произведениях Лира. В этом лимерике рифма вроде традиционная (точная, женская), но предшествующий ударному звуку согласный повторяется: *too stout — get out*, что, конечно, придает дополнительный эффект стихотворению. Эффектную рифмовку использовал и М. Фрейдкин в своем переводе.

Перевод Г. Кружкова на первый взгляд дальше от оригинала, чем у А. Васина и у М. Фрейдкина:

Жил мальчик (курсив наш. — Л.З., А.М.)
из города Майена,
Свалившийся в чайник нечаянно.
Он сидел там, сидел
И совсем поседел,
Этот бывший мальчишка из Майена
[5, 89].

Думается, что и омофоническая рифма в третьей и четвертой строках, и конечно же оригинальная орфоэпическая игра «в чайник нечаянно» действительно передают игровое начало английского стихотворения — как минимум в большей мере, чем точное следование оригиналу у А. Васина. Как известно, еще А.С. Пушкин говорил, что «подстрочный перевод никогда не может быть верен» [цит. по: 7, 64]. К.И. Чуковский был еще категоричнее: «Точная, буквальная копия того или иного произведения поэзии есть самый неточный, самый лживый из всех переводов» [8, 64].

Анализируя переводы, созданные С.Я. Маршаком (в первую очередь из Роберта Бернса), Чуковский утверждал, что они «тем и сильны, что воспроизводят не букву — буквой, но юмор — юмором, красоту — красотой» [8, 81]. Наверное, в этом и состоит главное достоинство переводов Г. Кружкова, приобретающих все большую популярность у юных читателей, что он изобретательный юмор Эдварда Лира переводит изобретательным же юмором.

Весьма эксцентричным представляется лимерик о некоем старике, который жену свою запирает в сундук [12, 53]. В переводе М. Фрейдкина этот лимерик превратился чуть ли не в жестокую мелодраму о мести злой жене:

Беспощадный старик из Ле Ке
Запер злую жену в сундуке.
На слова «мне тут тесно!»
Он ответил ей честно:
«Ты всю жизнь проведешь в сундуке!»
[1, 48].

Ироничный вариант Г. Кружкова оказался куда мягче:

Жил на свете разумный супруг,
Запиривший супругу в сундук.
На ее возражения
Мягко, без раздражения
Говорил он: «Пожалте в сундук!» [5, 94].

В лимериках Лира встречаются на первый взгляд жестокие сюжеты. Персонажи могут быть даже расчленены на две части. Такие лимерики воспринимаются отнюдь не как литература ужаса и даже не как страшилки, а как забавные перевертыши. Этому способствуют и авторские иллюстрации, на которых части человеческого тела являются перед нами в забавных позах и даже на оторванном от туловища лице — улыбка до ушей. Между прочим, лимерик с этой иллюстрацией заканчивается тем, что расчлененный после падения с лошади старик из Непала был вновь склеен [12, 43]. Так что неслучайно он с улыбкой воспринял свое расчленение.

Персонажи Лира могут быть и зажаренными в печке, и запеченными в торте. Приведем такие лимерики в переводе Л. Зимана (географическая принадлежность персонажей изменена):

Молчаливый старик из Бермуд
Был на редкость тщедушен и худ.
На столе он прилег,
Вместе с тестом в пирог
Запечен был старик из Бермуд.

* * *

Старичок из-под города Пскова,
Наблюдал за готовкой жаркого.
По ошибке жена
В печь внесла его на
Большом противне вместо жаркого.

Анжанбеманы (переносы части синтаксически целого выражения из одного стиха в другой) — частые «гости» в поэтических

произведениях Лира. Иногда стих у него завершается в самом неожиданном месте и рифмы приобретают эксцентрический оттенок. Так, в песне нонсенса «Стол и стул» один из стихов завершается определением-прилагательным *little*, а подлежащее-существительное *Browny-Mousy*, с которым оно согласуется, переносится в следующий стих, который, в свою очередь, завершается однородным с ним подлежащим *the Beetle*, а сказуемое-глагол *dined* начинает уже следующую строку:

So the Ducky and the little
Browny-Mousy and the Beetle
Dined...

В поисках аналога такому приему Л. Зиман завершает стих предлогом: «в печь внесла его на...». В английском языке, как известно, предложения, оканчивающиеся предлогами, явление довольно частое и нейтральное с точки зрения лексико-стилистической, так как предлоги здесь указывают на направление действия и ставятся после глагола (*to go down, to go off, to go out, to go up* и т.д.). Для русского же текста, особенно стихотворного, такое явление, думается, придает юмористический (эксцентрический) оттенок.

Часто главному герою — человеку с какой-то необычной чертой (во внешности, в одежде, в поступках) противостоят некие они — *they*. «Мрачными, враждебными людям» называет их Н.М. Демурова. «Они обычно нападают на чудаков, издеваются над ними или даже уничтожают их», — пишет она [3, 103]. Английские исследователи называют их анонимным кафкианским хором, представителями так называемого здравого смысла, противостоящего эксцентричным выходками протагонистов. Олдос Хаксли назвал их воплощением «общественного мнения». Но иногда эти самые *they* как раз, наоборот, помогают главному герою. Именно они склеивают уже упомянутого нами расчлененного надвое старика из Непала [11, 170]. Да и Н.М. Демурова утверждает, что в ряде лимериков *they* «ведут себя словно толпа уличных зевак, бурно реагирующих на появление каждой новой карнавальной маски. Порой у них веселые, бездумные физиономии, улыбка до ушей,

подвижные, выразительные фигуры» [3, 103].

Так что не стоит, наверное, демонизировать эти существа. И сразу же надо оговориться, что в русских переводах эти *they* часто просто «исчезают со сцены». Как известно, предложения с неопределенно-личным местоимением *they* обычно заменяют в русских переводах односоставными неопределенно-личными предложениями.

Когда в первой книге нонсенса кто-то пытался найти намеки на политических деятелей или на злободневные события, Лир отвечал, что единственной его целью был нонсенс. Он удовлетворял той черте детей, которую К.И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» назовет «неистребимой потребностью... внести нелепицу в тот малый, но отчетливый мир, с которым он недавно познакомился» [9, 279]. Эдвард Лир, утверждала одна из исследовательниц его творчества, «...хотел сделать детей счастливыми» [цит. по: 3, 100].

Изучение творчества Эдварда Лира является неотъемлемой частью подготовки студентов — будущих учителей начальных классов и иностранного языка. Однако лимерик может стать не только объектом изучения, но и средством обучения студентов английскому языку (в данном случае мы рассматриваем понятие «средство обучения» в широком смысле, понимая под ним всю совокупность материальных объектов, используемых для решения дидактических задач). Особенности лимериков позволяют использовать их на многих учебных дисциплинах. Обоснуем и поясним изложенное.

Современное обучение иностранным языкам направлено на овладение языком как средством общения, реализуемым в условиях диалога культур. Н.В. Языкова отмечает, что в этих условиях целесообразно обратить внимание на лингвокультурологический подход, в рамках которого «представление материала должно строиться по

принципу «от культурной единицы» (лингвокультуремы), а не от языковой единицы. <...> акцент делается не на точечной регистрации определенной информации о культуре, извлекаемой из языковой единицы, а на отражении в языке некоторого достаточно репрезентативного фрагмента национальной культуры» [10, 97]. Следовательно, важным является максимальное насыщение учебного процесса аутентичным материалом, позволяющим обучающимся получить представление об иноязычной культуре — картине мира, об особенностях носителей языка, а также о принятых в странах изучаемого языка социальных нормах. Все перечисленное находит отражение в литературе, в частности, в лимериках Э. Лира.

Как указывает О.Е. Артемова, в лимериках ценности английского лингвокультурного сообщества (ЛКС) преподносятся читателю в закодированном, а именно в «перевернутом» виде: «через эксплицитно выраженные в лимерике «антиценности» представляется возможным «выйти» на те стереотипы поведения, которые являются признанными» в сообществе [2]. Результаты исследования О.Е. Артемовой показали, что в лимериках отражается такая особенность английского ЛКС, как придание большого значения манере или ритуалу исполнения действия, при этом «некорректное с точки зрения общественного мнения поведение главных героев обусловлено отсутствием у них «чувства меры» — доминирующего качества, наличие которого позволяет не нарушать правил» [2]. Данные тезисы можно представить студентам для обсуждения на занятии по дисциплине «Лингвострановедение и страноведение», после чего предложить им подкрепить выводы о важности чувства меры, ритуалов для британцев и их приверженности традициям другими, не относящимися к литературе примерами (возможные варианты: «5 o'clock tea», «английская сдержанность», манеры поведения за столом и иные правила этикета и др.).

Особенности лимерика также позволяют использовать его в качестве средства формирования языковых навыков студентов, прежде всего фонетических — как рит-

мико-интонационных, так и слухопроизносительных. Возможности использования лимериков в качестве материала для развития творческого потенциала и лексических навыков студентов рассмотрены в работе Л.А. Петроченко. Он отмечает, что лимерики позволяют не только запоминать значение новых слов в контексте (запоминание значительно облегчается благодаря рифме), но и усваивать основные структуры английского предложения. Таким образом, создается возможность «органического соединения в учебном процессе всех трех аспектов языка» [6, 74].

Игра слов, создание оригинальных окказионализмов является яркой приметой лировского стиля, что открывает возможности для использования лимериков Э. Лира для изучения студентами морфологии и словообразования английского языка. В качестве примера проанализируем окказионализмы одного из лимериков и попробуем понять их значение.

There was a Young person of Crete,
Whose toilette was far from complete;
She dressed in a sack,
Spickle-speckled with black,
That ombliferous person of Crete.

В данном лимерике использованы такие способы словообразования, как редупликация (*spickle-speckled*) и аффиксация (*ombliferous*). Попытаемся выявить смысл указанных слов. Выражение *speckled with black* говорит о том, что героиня лимерика носила весьма экстравагантную одежду: мешок в черную крапинку. Прилагательное *spickled* образовано от *spick-and-spoon* — опрятный, модный, так что, по-видимому, это был очень модный мешок. К чему же это привело? Лир использует окказиональное прилагательное *ombliferous*, по-видимому восходящее к слову *umbelliferous* — образующий зонтик, относящийся к зонтичным растениям (на рисунке в книге действительно изображено какое-то растущее из земли искривленное огородное растение, из которого — сверху — вылезает самодовольно ухмыляющаяся рожица [12, 31]). Таким образом, в результате эта особа превратилась в некое подобие какого-то странного растения.

Приведем еще один пример:

There was an old person of Ware,
Who rode on the back of a bear:
When they ask'd, — «Does it trot?» —
He said «Certainly not!
He's a Moppsikon Floppsikon bear!»
[12, 104].

Что значит *Moppsikon Floppsikon*? Анализ места данного окказионализма в предложении говорит о том, что оно является прилагательным, если точнее — прилагательным, характеризующим медведя. Оно так же, как и в предыдущем примере, образовано с помощью редупликации. Известно, что *kon* в устной речи является заменителем глагола *can* (мочь); в детской речи оно может использоваться как искусственное наращение, придающее слову некую оригинальность. Сравним, например, с русскими суффиксами в таких словах, как *симпампончик*, *кепарик*. А *ie* — суффикс оценки, прибавляемый к существительным (в середине слова *e* может выпасть), *s* же здесь, видимо, аффиксальная прокладка — для благозвучия. Что касается корневых частей этих прилагательных, то *torru* обозначает *лохматый*, косматый, а *floppy* — *ленивый*, *вялый*, *неповоротливый*. В качестве русскоязычного аналога можно привести предложенный в переводе М. Фрейдкина окказионализм *масипастый* [1, 101] (маса, по словарю В. Даля, — овечка, так что *масипастый*, наверное, передает значение лировского *floppsikon*). Вот почему в переводе М. Фрейдкина «рассудительному джентльмену» советуют «не пускаться в дорогу на таком *масипастом* медведе» [1, 101]. Но в стихотворении Лира оригинальная верховая езда — на медведе вовсе не вызывает у окружающих удивления или опасения, их интересует только, может ли медведь скакать рысью. И именно эта сторона лировского лимерика привлекла внимание Г. Кружкова:

На вопрос: «Вы жокей?»
Отвечал он: «О'кей!» —
Продолжая скакать на медведе [5, 84].

Студенты в очередной раз убеждаются в аналитическом характере английского языка

ка, когда грамматическое значение выражается за пределами слова. Существительное *trot* — рысь в данном случае используется как глагол *скакать рысью*.

Множество научных работ, посвященных вопросам перевода лимериков Э. Лира, а также приведенные в данной статье анализы переводов позволяют заключить, что лимерики Э. Лира и их переводы на русский язык целесообразно использовать также в качестве учебного материала по дисциплине «Теория и практика перевода».

Таким образом, лимерики Э. Лира представляют большой интерес для читателей (как детей, так и взрослых) и для исследователей — литературоведов, филологов, педагогов и переводчиков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Английская абсурдная поэзия / Пер. с англ. и сост. М. Фрейдкина. М.: Carte Blanche, 1998.
2. Артемова О.Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра «лимерик»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Е. Артемова. Уфа, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturnaya-spetsifika-tekstov-pretседentnogozhanra-limerik>.
3. Демурова Н.М. Из истории английской детской литературы XVIII–XIX веков: Пос. по спецкурсу / Н.М. Демурова. М., 1975.
4. Изба-читальня. Из «Книги нонсенса». (Из Эдварда Лира). URL: <http://www.chitalnya.ru/>
5. Сказки Биг Бена. Английские стихи и сказки в пересказе Григория Кружкова. М.: Монолог, 1993.
6. Петроченко Л.А. О формировании словарного запаса учащихся (на материале английского языка) / Л.А. Петроченко // Научно-педагогическое обозрение. ТГПУ. 2013. № 2 (2).
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Изд. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002.
8. Чуковский К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. СПб.: Авалонь: Азбука-Аттикус, 2011.
9. Чуковский К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.

10. Языкова Н.В. Культура и обучение иностранным языкам: лингводидактический аспект / Н.В. Языкова // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1.

11. Anderson C.C. Edward Lear / C.C. Anderson // Dictionary of Literary Biography. V. 163. Detroit; Washington; London, 1966.

12. Lear E. Complete Nonsense. Wordsworth Editions Ltd, 1994.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Слова О. Фокиной

Музыка Г. Шарина

В недоверчивый старый лес,
В солнечный бор кедровый
Прыгнул с облака и исчез
Мальчик Апрель в сугробах.

Припев:

«Синь-синь-синь-синь», —
Радовалась водичка.
«Синь-синь-синь, синь-теплень!» —
Пела над ней синичка.

А Апрель не дремал, не спал:
Вооружен сосулькой.
Он сосулькой сугроб кромсал
Так, что сугроб забулькал!

Припев.

И Апрель на вершину влез
И закричал: «Здорово!
Здравствуй, юный весенний лес,
Солнечный бор кедровый!»

Припев.

(Ноты см. на с. 70)